«Въ этомъ и заключается различіе между самодъятельным ребенкомъ. Самодъятельный ребенкъ спрашиваеть иногда, что ему дълать, но это бываетъ обыкновенно тогда, когда дъло его не соотвътствуетъ его наклонностямъ или когда оно превышаетъ его силы или знанія. Его опытъ развиль въ немъ извъстную увъренность въ себъ и онъ уже знаетъ свои силы, тогда какъ вымуштрованный ребенокъ, не имъя случая проявлять заключенныя въ немъ силы, невольно сознаетъ себя слабымъ.

«Дъти, приходящія изъ школы въ «Домъ игры», обыкновенно занимаются сначала только чтеніемъ и письмомъ; но потомъ, замътивъ, что это не ставится имъ въ особую заслугу, они бросаютъ ихъ и уже выказываютъ къ нимъ таившееся въ нихъ отвращеніе, какъ къ дълу, которое имъ навязывали.

«Что касается окончательнаго приговора надъ «Домомъ игры», то мы полагаемъ, что и черезъ десять или болѣе лѣтъ его не легче было бы произнести, чѣмъ теперь. Значеніе «Дома игры» не можетъ быть оцѣнено какимъ-либо внѣшнимъ успѣхомъ дѣтей, если понимать успѣхъ въ обыкновенномъ смыслѣ. И было бы невозможно сказать, чѣмъ было бы развитіе какого-либо мужчины или женщины, вышедшихъ изъ «Дома игры», если бы они никогда тамъ не воспитывались. Значеніе «Дома игры» можно было бы понять только лишь наблюдая изо дня въ день за ходомъ развитія дѣтей и ихъ особенностей. И его значеніе могли бы понять лишь люди, которые интересуются дѣтьми, много ихъ видятъ и много ихъ знаютъ.

«Что касается замѣчанія директора какой-то школы, что дѣти извѣстнаго класса нечувствительны къ кротости, то уже самый фактъ того, что онъ держится такого взгляда, явился бы для него помѣхою къ познанію истины. Къ ребенку изъ этого класса, явившемуся къ нему, онъ, безъ сомиѣнія, примѣнилъ бы свои пріемы воздѣйствія столь же увѣренно, какъ хининъ при маляріи.